

УДК 81'42
UDC 81'42

Гань Хайцюань
Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, КНР
Gan Haiguan
Heihe University, Heihe, China
e-mail: ghd8289072@163.com

**СМЫСЛ СОВРЕМЕННЫХ МИФОВ О ПЕТЕРБУРГЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА***
**THE IMPLICATIONS OF THE MODERN MYTHS OF PETERSBURG
IN THE 19TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE**

Аннотация

Мифотворчество является неотъемлемым элементом деятельности человеческого сознания. Из-за уникальной роли Петербурга в процессе модернизации России и его культурного наследия, сформированного в этом процессе, почти все образы Петербурга имели тенденцию в народной литературе становиться мифами. Своеобразное мифологическое мышление и сознание, сформированные на основе петербургской народной литературы, и особый путь модернизации России позволили русским писателям, сочетая историзм и мистицизм, создать современную петербургскую мифологию, которая имеет общие объекты описания, характеризуется высочайшими идеологическим единством и целостностью. Современные мифы Петербурга в русской литературе 19-го века уходят корнями в российскую историю и социальную реальность и правдиво отражают многочисленные противоречия, возникшие в процессе модернизации российского общества. Мифы интерпретируют различные проблемы современной цивилизации, вскрывают борьбу таких противоположностей в эмпирическом мире, как неизменность и историческое развитие.

Abstract

Myth creation is an integral element of human consciousness. All the images related to Petersburg, due to its unique role in the process of Russian modernization and forming cultural heritage, have been mythologized in the folk literature. Based on the folk literature of Petersburg and the special situation of Russian modernization and with the combination of historicism and mythicism, Russian writers, with their unique mythological thinking and awareness, created the modern myths of Petersburg, that have the same images and consistent thinking. The modern myths of Petersburg in the 19th-century Russian literature are rooted in Russian history and social reality and truly reflect all kinds of conflicts in the development of modernization of the Russian society. The myths interpret the problems of modern civilization and unfold the unchanging factors in the empirical world and historical development.

* Данное исследование является частью научной художественной программы провинции Хэйлунцзян 2016 г. «Исследование о поэтике петербургской современной мифологии в русской литературе». Номер программы: 2016 D 045.

Ключевые слова: Петербург, петербургская народная литература, современная мифология, антитеза.

Keywords: Petersburg, folk literature of Petersburg, modern myths, antithesis.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_5_15

1. Введение

Говоря о Петербурге, люди всегда невольно вспоминают о данных ему различных названиях: «парадиз», «северная Венеция»; «окно в Европу»... Этот список славных названий Петербурга можно продолжить. Однако из уже приведённых метафор обнаруживается, что Петербург занимает важное место в гуманистической культуре, является и её своеобразным признаком, и причиной, по которой люди уделяют ему особое внимание. В течение двух веков российской истории Петербург как столица Российской Империи был свидетелем важного периода исторического развития страны; в нём слились история и реальность, старые традиции и современность, происходили новые диалоги и вскрывались старые противоречия. Петербург – это город, который обладает богатым содержанием, и любой вопрос о нём может вызвать у людей множество бесконечных ассоциаций. В истории русской литературы традиция литературного Петербурга, созданная Пушкиным и Гоголем, заложила основу образа Петербурга для целых поколений. Писатели создали немало произведений на тему Петербурга, которые не только имеют общий объект описания и высокие идеологические единство и целостность. Большинство этих произведений обладают одним общим поэтическим свойством, которое придаёт им определённый характер мифологии и содержит смысл современной мифологии.

2. Происхождение современных мифов о Петербурге

Во-первых, присущие городу гуманистическая культура и реальная жизнь придают петербургской литературе характер мифологии. Петербург – самый северный из крупных городов мира с населением более миллиона человек. «Его географическое положение и климатические условия определяют некоторые уникальные характеристики гуманистической культуры этого города» [Цзинь, 2009, с. 27]. От того, что он расположен в устье Невы и около Балтийского моря, здесь повсюду болота и во все времена темно и сыро, нередко наводнения.

Более того, Петербург был полон тумана и дыма, и жившие в такой атмосфере люди вскоре переставали видеть грань между правдой и ложью, реальностью и нереальностью. «Граница этого света и того света исчезла, разницы между людьми, богом и призраком не существовало» [Цзинь, 2009, с. 27]. Люди остро ощущали, что нигде не было так тяжело жить, как в Петербурге. Он стал навязчивым городом, люди проклинали его, бежали из него. Петербург стал центром греха и зла, бездонной пропастью. Петербург

стал одновременно и раем, и антропогенным адом на земле. В. Н. Топоров отмечал: «Восстав из «топи блат», Петербург расколол русское общество на две непримиримые части: для одной это был «парадиз», окно в Европу, в которое Петербург старался втащить всю Россию; для другой он был бездной, предвещанием эсхатологической гибели» [Топоров, 2003, с. 1]. Для самих русских Петербург имеет великое значение трагедии, и «внутренний смысл Петербурга, самая глубочайшая идея его лежит именно в этой не сводимой к единству антитетичности и антиномичности – категорий, которые самое смерть кладут в основу новой жизни, понимаемой как ответ смерти и как её искупление, как достижение более высокого уровня духовности» [Топоров, 2003, с. 1]. Он получил высокий уровень духовности в борьбе между новым и старым, смертью и спасением.

Во-вторых, петербургская современная мифология и фольклор русской литературы имеют прямые связи. Под влиянием народной литературы творчество писателей исходит из петербургской народной литературы, славянской народной литературы, фольклора других наций, также же из христианской и политеистической мифологии, поэтому их произведения содержат коннотацию современной мифологии.

Русским присуще развитое мифологическое мышление, полное мистических образов. Народные мифы и легенды различных религий оказали влияние на писателей. В то же время, западная политеистическая мифология привлекла писателей, поэтому они очень легко впитали разные признаки и видения, присущие народной литературе, что способствовало мифологизации их сознания.

И, наконец, «творение мифов является неделимым, универсальным и всеобъемлющим элементом деятельности сознания» [Найдыш, 2002, с. 22]. Другими словами, каждая эпоха характеризуется мифами, имеющими собственные своевременные культурные особенности, поэтому создание мифологии является особой деятельностью человеческого духа и неотъемлемым фактором существования человеческой культуры. Возникновение и развитие мифологии глубоко коренятся в основных отношениях человеческой жизнедеятельности и во всеобщей связи между людьми и миром.

3. Современный петербургский миф в русской литературе

3.1. Идея современного мифа

Представление о мифологии не только проявляется в принятии формы и структуры мифа, но и отражается в понимании содержания и духа мифа. В начале XIX века с укреплением и развитием христианской мифологии некоторые пытались использовать её вместо греческой и римской мифологии. Одновременно с этим создаётся романтическая поэтика дьявола и чувство противоречия Богу становится всё более популярным. Однако мы должны отметить, что отрицательный образ падшего ангела, который сопротивлялся Богу в легенде, переместили в литературу, а это уже является подлинным созданием новых мифов.

С академической точки зрения современная мифология возникла в конце XIX века – начале XX века, но основывалась на новой мифологии, которую создал романтизм. Современная мифология берёт начало от новых легенд романтизма и является наследником и продолжателем новых романтических мифов. Авторитетные критики и исследователи назвали создание мифов в современной литературе новой мифологией, имея в виду все мифы, созданные писателями нетрадиционного направления. Из этого мы узнали, что в широком смысле современная мифология может относиться к новой мифологии, которую создавали представители мировой литературы. Она отличается от древней мифологии, включает и романтические новые мифы, и мифы современной литературы XX века. Уникальная характеристика современного мифа, исследуемая в данной статье, состоит в том, что по концепции – это современная интерпретация древних мифов, а по методу создания – это использование современных методов, хотя метод мышления заимствовали из древней мифологии, но содержание этих новых мифов уже было далеко от традиционных мифов. В настоящей статье мы моделируем содержание мифов, практически используем метод создания мифов, чтобы исследовать проблемы современной цивилизации, к тому же, сознательно, глубоко и нетрадиционно используем мифологические темы, сюжеты или образы для придания современной мифологии независимого характера и Поэтики мифологии.

Русская литература XIX века включает ранний романтизм и поздний реализм, в том числе мифотворчество, и содержит не только новые романтические мифы, но и многие из современных мифов XX века. Русская литература XIX века, с одной стороны, содержит поэтические характеристики романтической литературы, а с другой – обладает свойствами модернистской литературы. Все эти особенности наиболее ярко проявляются в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского и других мастеров пера. Одна из таких особенностей заключается в том, что появилось большое количество новых мифов с характеристиками современной мифологии. В структуре образов, возникших в новых мифах, наряду с новыми чертами, присутствуют и традиционные средства, изображающие самые основные элементы человеческого бытия. Реалистическая литература в целом изо всех сил пытается избавиться от последствий мифологии, но это не означает отказа от мифического символа – она по-прежнему видит мифы как литературную технику, однако «проблема мифологии, содержащей реалистическую литературу, становится особенно сложной» [Мелетинский, 2006, с. 303]. Эти новые мифы уже выходят за рамки романтической литературы, и, к тому же, они обладают чертами, характеризующими современную мифологию.

3.2. Современные легенды о Петре I и о других разных персонажах

3.2.1. Современные легенды у А. С Пушкина

На основе оценки петербургской народной литературы об исторических лицах и событиях русские писатели XIX века создали разные совре-

менные легенды, прототипами которых являются различные истории и персонажи. Они не только обогатили петербургскую народную литературу, но и оказали существенное влияние на дальнейшее её развитие.

Легенды о Петре I занимают важное место в современных петербургских легендах. В петербургской мифологии Пётр I является и создателем чудес, равным Богу, и одновременно выступает чёртом и врагом Христианства в рассказах об эсхатологии. На фоне самобытной истории России Пушкин создал легенду о Петре, с прототипами петербургских народных рассказов – правдивых, трогательных и испуганных. В этой легенде открывается борьба между двумя силами – светом и тьмой. «Они являются фонами друг друга, противостоят друг другу, как упорство и слабость, ум и глупость, добро и зло в сказках» [Иванов, 1909]. Пушкин рассказал, что Пётр I «прорубил» окно в Европу, то есть показал выдающиеся подвиги и образ цветущего Петербурга. На фоне истории и реальности поэт с точки зрения легенды думал о процессе возникновения и развития Петербурга, то есть о движении от тьмы к свету и от беспорядка к порядку, признавая модернизацию, начатую Петром I. По мнению Пушкина, всё, что сделал Пётр I, могло сравниться с подвигами, совершёнными святыми в мифах. «Медный всадник, стоящий на Сенатской площади, кажется, уже стал центром петербургских современных легенд» [Лю, 2012, с. 135]. «На основе влияния веры в политеизм и язычество русских поэт придал медному всаднику символичность религии и легенды» [Цзинь, 1999, с. 86]. Он создал из Петра I образ творца чудес, который победил тьму и беспорядок, дал миру порядок и свет, а также громовержца, который защитил город. Хотя поэт глубоко сочувствовал маленьким людям, их трагической судьбе, прошедшей в исторических конфликтах, он больше размышлял о русском историческом положении через «Медного всадника» и выразил точное понимание русского пути модернизации, проложенного Петром I, и сути исторической трагедии человечества.

Символика Петербурга в творчестве А. С. Пушкина занимает значимое место. Поэт в полной мере «впитал» в себя мир предшествующих культурных эпох.

Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. «Здесь актуализируется не антитеза «земля / небо», а оппозиция «естественное – искусственное» [Лотман, 1992, с. 10]. Это город, созданный вопреки природе и находящийся в борьбе с нею. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели; идея обречённости и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря. Этот вариант эсхатологической легенды устойчиво вошёл в мифологию Петербурга.

В поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» вечная борьба стихии и культуры, заложенная в идее обречённого города, реализуется как антитеза воды и камня. Причём заметим, что петербургский камень у А. С. Пушкина – не «природный», «дикий» камень, а очеловеченный, окультуренный;

он является артефактом, а не феноменом природы. Эта антитеза «естественное – искусственное» прямо прослеживается в тексте:

Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен... [Пушкин, 1986, с. 173].

Уже в самом начале поэмы автор показывает вольные, ничем не стесненные воды, которые человек постепенно «облагородил» в соответствии со своими представлениями о том, как должна выглядеть река в культурном городе. Противопоставление свободной стихии и камня («... в гранит оделась Нева...» [Пушкин, 1986, с. 173]), в который «одел» человек волны, намеченное в начале поэмы, далее разовьется в мотив бурного сопротивления воды оковам, созданным людьми:

Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной [Пушкин, 1986, с. 175].

Камень Петербурга – камень на воде, на болоте, это камень без опоры, положенный человеком. И, конечно же, воплощением идеи очеловеченного камня в поэме, в первую очередь, является вознесшийся «над огражденною скалою» [Пушкин, 1986, с. 182] памятник Петру, повелением которого и был создан этот гибельный в сознании русского человека город. Следует сразу оговорить возникшее противоречие: несмотря на то, что сам памятник сделан из меди, он, тем не менее, воплощает собой камень-артефакт, потому что памятник Петру (напомним, что имя «Пётр» в переводе с греческого означает «камень») – не что иное, как монолит, созданный из обработанного человеком природного материала.

Возвращаясь к ранее сказанному, надо отметить следующее: в силу того, что камень – не природный феномен, а артефакт (то есть искусственно созданный), он в художественном пространстве А. С. Пушкина обладает не привычными признаками устойчивости, неподвижности, а противоположным признаком перемещаемости:

...За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне... [Пушкин, 1986, с. 183].

В художественной картине поэмы вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и в итоге победит его; камень же наделён

временностью и призрачностью, вода его разрушает. Поэтому архитектурные сооружения у А. С. Пушкина, будучи частными проявлениями идеи обработанного человеком камня, подвергаются «нападению» и разрушению со стороны стихии, в очередной раз подчёркивая «призрачность» Петербурга. Обратившись к ранее обозначенной антитезе «естественное – искусственное», смело можем сказать, что живым героем поэмы выступает водная стихия, способная на борьбу, стремящаяся вырваться из подчинения городу и, в свою очередь, подчинить его себе.

Ряд использованных автором сравнений и метафор однозначно направлен на то, чтобы подчеркнуть живую природу, естественность стихии, крайнюю степень «бурности» её проявления:

... Нева вздувалась и ревела,
Котлом хлопоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась... [Пушкин, 1986, с. 177].

В образе Петербурга у А. С. Пушкина, мы можем выявить антитезу «стихия – окультуренность».

Табель о рангах, распространённый Петром I в процессе поиска пути в модернизацию, воодушевлял людей стремиться к большему богатству путём создания благоприятных условий и своего старания. У многих стремление к материальной культуре и личной счастливой жизни значительно превысило стремление к духовной жизни. Отсутствие веры и нравственное падение с каждым днём становились главными проблемами общества. Пушкин в «Пиковой даме» описал образ из реальной жизни и невидимую сверхъестественную силу, действующую в рассказе, посредством описания фантазии и сна, чем выразил свою точку зрения о правосудии. Для поэта прообразом Пиковой дамы стала княгиня Н. П. Голицина. В петербургской литературе среди многих женских образов мифический образ княгини Н. П. Голициной занимает одно из важнейших мест. В народе говорится, что она – внучка Петра, известная в высшем свете высокомерием и властолюбием.

3.2.2. Современные легенды у других писателей

Легенды о религии занимают важное место в русской литературе XIX века. Всем известно, что «творение Гоголя углубило тему поиска духа и морали в русской литературе» [Цзинь, 2009, с. 182]. После него многие писатели обратили внимание на религиозный поиск. Они «соединили понимание духовного тяжёлого положения человечества и мистицизм Православия» [Цзинь et al., 2003, с. 8], выразили познание религиозной морали через легенды.

В современных петербургских легендах присутствует немало сюжетов с образом дьявола. Как известно, Христианство является монотеизмом. С точки зрения Христианства, все другие религии являются иновением, поэтому бог, которому поклоняются иноверцы, – это дьявол. Однако

Россия долгое время находилась в состоянии борьбы политеизма и Христианства, поскольку многие принимали православие по принуждению. Поэтому принятие Христианства не означало отсутствие влияния язычества. Возможно, люди по принуждению забыли о языческих богах, но «... евангелие и многие точки зрения древнего политеизма идентичны до сих пор. В некоторых местах люди не только сохраняют церемонии политеизма, но и хранят дух политеизма. Иными словами, русское народное Христианство является Христианством со стилем какого-то политеизма, воплощение политеизма – обряд поминовения, а воплощение Христианства – вера» [Цзинь et al., 2003, с. 17].

В русской литературе XIX века имеются черты как народной религии, так и Христианства. Как у Гоголя, так и у Достоевского, много образов дьявола, взятых из Христианства. Источники религиозных легенд Гоголя очень богаты и включают не только украинские народные легенды, но и мистические верования самого автора. Гоголь соединил своё творчество с личным пониманием религии и святой миссии, поставил искусственное наблюдение в конституацию религиозных легенд, на фоне Петербурга воспроизвёл социальные реалии России. В рамках Христианства писатель выразил тему дьявола, вскрыл многочисленные болезненные вопросы в различных областях общественной жизни и духовного мира человека. На взгляд Гоголя, если бог представляет доброту и справедливость, то дьявол представляет собой символ зла и соблазнения. Ковалев, Чартков и Башмачкин – это образы дьявола, созданные Гоголем. Из-за того, что у них в сердцах нет истинного, доброго и прекрасного, они поддаются соблазну или непосредственно выражают порочный характер дьявола.

Достоевский, погрузившись в глубину души человека, также отметил иррациональное наличие дьявольской сущности в человеческой душе. Он считал, что вера человека и его жизнь тесно связаны. В работах писателя многие герои – интерпретаторы духа евангелия. Одновременно они ещё и живые люди, однако под внешним спокойствием они скрывают психологические аномалии и преступные желания. Писатель, используя приём двойника-дьявола, изложил противоречие между верой главного героя в бога и искушением его дьяволом, например, через образ Голядкина. В рамках серии образов, которые имеют двойную личность, Достоевский проявил мифологический характер дьявола и конфликтов духа Евангелия, например, такие образы персонажей, как Раскольников, обладающий характеристиками и спасителя, и дьявола; Версиков, бродящий между богом и дьяволом; Мышкин-Христос как Дон Кихот и дьявол-Рогожин.

Толстой часто рассматривал и существование, и смерть, и любовь, и веру, связывая идеи народной религии в кругозоре Христианства. Он знал наизусть «Евангелие», внимательно исследовал литературу, посвящённую биографии святых, а также разные народные легенды о святых. Писатель изложил перестроенные сюжеты и образы в своём творчестве. Современные легенды в его творчестве имеют тесные связи с вероисповеданием и мистикой. В романе «Анна Каренина», заимствуя народную традиционную идею о

дьяволе, посредством раскрытия характера таких персонажей как Анна, Вронский, Каренин, а также всего высшего общества, Толстой описал классическую религиозную легенду «Мне отмщение, и Аз воздам», разъяснил идею христианских легенд о возмездии бога. С одной стороны, Толстой признал традиционную религиозную идею о прощении и любви бога, с другой – одобрил народный закон о справедливом суде. Поэтому изложение Толстым классического религиозного мифа о возмездии Бога в Библии имеет характер антиномии. Толстой считал, что страсть и разные желания происходят от дьявола. Чтобы самосовершенствоваться, человеку необходимо бороться с этим. Так что тема дьявола в его дальнейшем творчестве приобретает всё большее значение, в том числе в «Исповеди», «Крейцеровой сонате», «Воскресенье» и так далее.

4. Выводы

Фрай отметил, что «обычно легенда относится к особенной серьёзной категории: дело в том, что люди верят, что легенда – это либо действительная, настоящая история, либо она имеет особое значение в объяснении некоторых составляющих в жизни человека, таких как религиозные обряды» [Frye, 1997, с. 131]. Петербургские современные легенды в русской литературе XIX века имеют глубокие культурные корни. Они возникли под влиянием разных политических идей и культурных традиций, особым образом балансировали между тяжёлыми противоречиями в реальной жизни, смягчали напряжение и беспокойство в сердце, отражали знание о жизненном пространстве и жизненной обстановке и психологические требования петербуржцев. Это новый тип легенд.

Петербургская современная мифология в русской литературе XIX века является общественно-исторической мифологией. Она укоренилась в русской истории и общественной реальности, отразила различные противоречия и конфликты российского общества в процессе развития и модернизации. В ней выразилось понимание русской истории и реальной жизни, были даны ответы на вопросы о Петербурге. Люди на фоне тогдашней культуры особым образом «выразили непонятие, выразили непонятное понятным, легко разрешимым нелегко разрешимое» [Мелетинский, 2009, с. 180]. Здесь имеются повествования об исторических событиях, догадки о неизвестных событиях, сообщения о тайных вещах, изложение несуществовавших событий. Петербургская современная мифология расшифровывала историю сказочным приёмом, изложила гуманистический культурный дух Петербурга, критиковала реальные злоупотребления в обществе, искала ответы на такие вопросы, как что есть жизнь и смерть, добро и зло, выразила заботу о судьбе человечества, а также надежду и стремление к прекрасной жизни и мечте. Эти современные легенды являются выражением народных мифов у русских писателей и образа мышления мистицизма, соединяющего с историей. С одной стороны, они как сила, гармонирующая с социокультурным противоречием, перестроили мерилу стоимости в разных слоях общества. С другой стороны, их роль

диахронична и может выходить далеко за пределы данной эпохи и данного общества и служить высшей духовной цели. Мы не можем не признать культурную и социальную основу, на которой построены петербургские современные легенды, и не можем оставить без внимания то, что мир, созданный легендой, является продуктом человеческой души, результатом воображения и фантазии.

Список литературы

1. 金亚娜: 并非不可解读的神秘 — 果戈理灵魂的复合性与磨砺历程 // 俄罗斯文艺 [J], 2009 年第 3 期, 26–28 页。 [Цзинь, Я. Тайна не без разъяснения – Комплексность и путь закалки души Гоголя [Текст] / Я. Цзинь // Русская литература. – 2009. – № 3. – С. 26–28].
2. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды [Текст] / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство, 2003. – 614 с.
3. Найдыш, В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма [Текст] / В. М. Найдыш. – М. : Гардарики, 2002. – 554 с.
4. Мелетинский, Е. М. . Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2006. – 408 с.
5. Иванов, В. И. По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб. : Изд-во «Оры», 1909. – 448 с.
6. 刘锬: 梅列日科夫斯基创作中的彼得堡现代神话意蕴 // 外语学刊 [J], 2012 年第 6 期, 130–142 页。 [Лю, К. Смысл Петербургской современной мифологии в творчестве Мережковского [Текст] / К. Лю // Научная пресса иностранных языков. – 2012. – № 6. – 130–142].
7. 金亚娜: 《青铜骑士》的象征和象征主义意蕴 // 求是学刊 [J], 1999 年第 1 期, 85–89 页。 [Цзинь, Я. Символ «Медный всадник» и смысл символизма [Текст] / Я. Цзинь // Научная пресса. Поиски правды. – 1999. – № 1. – С. 85–89].
8. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3-х т. – Т. 2. – Таллин : Александра, 1992. – С. 9–21.
9. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 3-х томах [Текст] / А. С. Пушкин. – Т. 2. – М. : Художественная литература, 1986. – 528 с.
10. 金亚娜: 果戈理的“别样现实主义”及成因 // 外语学刊 [J], 2009 年第 6 期, 178–185 页。 [Цзинь, Я. Другой реализм и причина происхождения [Текст] / Я. Цзинь // Научная пресса иностранных языков. – 2009. – № 6. – С. 178–185].
11. 金亚娜、刘锬、张鹤: 充盈的虚无 — 俄罗斯文学中的宗教意识 [M], 人民文学出版社, 2003, 17 页。 [Цзинь, Я. Полнота пустоты – сознание религии в русской литературе [Текст] / Я. Цзинь, К. Лю, Х. Чжан. – Пекин : Народная литература, 2003. – 17 с.].
12. [加] 诺斯罗普·弗莱: 诺斯罗普·弗莱文论选集 [M], 吴诗哲主编, 中国社会科学出版社, 1997, 131 页。 [Избранные сочинения Нортопа Фрая [Текст] / [под ред. Ву Чиче]. – Пекин : Книжный дом китайских общественных наук, 1997. – 131 с.].

References

1. 金亚娜：并非不可解读的神秘 — 果戈理灵魂的复合性与磨砺历程 // 俄罗斯文艺 [J]，2009 年第 3 期，26–28页。 [Jin, Y. (2009). It is not an Interpretation of Mystery: Complex and Sharpening Process of Gogol's Soul. *Russian Literature and Art*, 3, 26–28].
2. Toporov, V. N. (2003). Peterburgskij tekst russkoi literatury. *Izbrannyje trudy* [Russian Literature in Petersburg. Selected works]. St Petersburg : Art.
3. Naidysh, V. M. (2002). *Filosofia mifologii. Ot antichnosti do epohi romantizma* [Myth Philosophy: From Ancient Greek Culture to Romantic Period]. Moscow : Gardariki Press.
4. Meilitinskij, E. M. (2006). *Poetika mifa* [The poetry of myth]. Moscow : Oriental Literature Press.
5. Ivanov, V. Y. (1909). *Po zvezdam. Statji i aforizmy* [On stars. Articles and aphorisms]. St Petersburg : Ori Press.
6. 刘锬：梅列日科夫斯基创作中的彼得堡现代神话意蕴 // 外语学刊 [J]，2012 年第 6 期，130–142页。 [Liu, K. (2012). Petersburg Modern Myth connotation in Merezhkovski's Works. *Journal of Foreign Languages*, 6, 130–142].
7. 金亚娜：《青铜骑士》的象征和象征主义意蕴 // 求是学刊 [J]，1999 年第 1 期，85–89页。 [Jin, Y. (1999). Symbol and symbolic meaning in «The Bronze Horseman». *Scientific Press. Seeking the Truth*, 1, 85–89].
8. Lothman, Yu. M. (1992). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbols of Peterburg and urban Semiotics]. *Izbrannyje statji v 3 tomah* [Selected articles in 3 volumes] (Vol. 2, pp. 9–21). Tallinn.
9. Pushkin, A. S. (1986). *Sobranie sochinenij v 3-h tomah* [Collection of works in 3 volumes] (Vol. 2). Moscow : Fiction Press.
10. 金亚娜：果戈理的“别样现实主义”及成因 // 外语学刊 [J]，2009 年第 6 期，178–185页。 [Jin, Y. (2009). Gogol's «Unusual Realism» and its origin. *Journal of Foreign Languages*, 6, 178–185].
11. 金亚娜、刘锬、张鹤：充盈的虚无 — 俄罗斯文学中的宗教意识 [M]，人民文学出版社，2003，17页。 [Jin, Y., Liu, K., Zhang, H. (2003). *Filling the Void – Religious Consciousness in Russian Literature*]. Beijing : People's Literature Publishing House].
12. [加] 诺斯罗普·弗莱：诺斯罗普·弗莱文论选集 [M]，吴诗哲主编，中国社会科学出版社，1997，131页。 [Selected critical essays of Northrop Frye. (1997). Ed. by Wu Chizhe. Beijing : China Social Sciences Publishing House].